

Научная статья
УДК 327.39
doi: 10.17223/15617793/515/11

Политика развития через призму славянской идентичности: сравнительный анализ политических дискурсов в Сербии и Хорватии

Татьяна Игоревна Попадьева¹

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия, tatpopadyova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается сложное взаимодействие между внутренним развитием славянского дискурса и влиянием внешних акторов на процесс славянской самоидентификации в Сербии и Хорватии. Интеграция элементов идентитарной теории, конструктивизма и критического анализа дискурсов позволила выявить иерархии макрополитических идентификационных маркеров, а также определить взаимосвязь механизмов формирования славянской идентичности с политическим развитием Сербии и Хорватии.

Ключевые слова: политика развития, славянская идентичность, макрополитическая идентичность, политический дискурс, анализ дискурсов, конструктивизм, югославизм, еврославизм, миметическое соперничество, языковая политика, Сербия, Хорватия

Для цитирования: Попадьева Т.И. Политика развития через призму славянской идентичности: сравнительный анализ политических дискурсов в Сербии и Хорватии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 97–106. doi: 10.17223/15617793/515/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/11

Development policy through the lens of Slavic identity: A comparative analysis of political discourses in Serbia and Croatia

Tatyana I. Popadeva¹

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tatpopadyova@yandex.ru

Abstract. The article examines the influence of Slavic macro-political identity on the production and contextual realization of political development discourses in Serbia and Croatia. The article aims to study the formation and development of the Slavic macro-political identity of Serbs and Croats, as well as to assess its role in the transformation of the socio-political development of these countries. To achieve the aims, a comparative analysis and critical reflection of Serbian and Croatian political discourses are conducted within the framework of the constructivist paradigm. Based on historical sources, the article illustrates the development of Slavic ideas in the selected political entities, emphasizing that Slavic political identity, despite its heterogeneity (the spatial division into Western, Eastern, and Southern Slavs), has served as a powerful mobilization resource for the consolidation of Serb and Croatian communities, creating a solid foundation for nation-building both within Yugoslavia and in the sovereign states of Serbia and Croatia. During the research, particular attention is paid to the impact of internal and external factors on the processes of Slavic identification in Serbia and Croatia. The author notes that attempts to redirect the value systems of the residents of the two countries are being made through the discrediting of Slavic macro-political identity and the dehumanization of collective identities of Serbs and Croats. A qualitative analysis of official government documents, media publications, cultural symbolism, and academic works has allowed to formulate the identity matrices for Serb and Croatian communities, indicating the place that Slavic ideas occupy today in the self-identification of Serbs and Croats. As a result of the conducted research, the author concludes that the shared historical past (the ideas of Yugoslavism), the Slavic linguistic community, and current cultural policies make the identification marker of Slavic identity one of the key elements in the self-identification of residents in both Serbia and Croatia. At the same time, despite the shift of Slavic discourses from general political practices to the realm of cultural policies, Slavic macro-political identity still influences the development policies of these communities, shaping their visions of a desirable future and foreign policy aspirations. The comparative analysis of Slavic discourses in Serbia and Croatia shows that the common identification marker of Slavic identity can help reduce ethnic tension and harmonize relations between Serbs and Croats today, both within the state borders of Serbia and Croatia, and at the transboundary (regional) level.

Keywords: development policy, Slavic identity, macro-political identity, political discourse, discourse analysis, constructivism, Yugoslavism, Euroslavism, mimetic rivalry, language policy, Serbia, Croatia

For citation: Popadeva, T.I. (2025) Development policy through the lens of Slavic identity: A comparative analysis of political discourses in Serbia and Croatia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 97–106. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/11

Введение

Одним из значимых факторов, определяющих политику развития в Сербии и Хорватии, является югославское наследие: пестрый этнический, языковой и религиозный состав населения и противоречивое кровопролитное прошлое привели к тому, что процессы нациестроительства новообразованных после распада Югославии Сербии и Хорватии сдерживаются многочисленными общественно-политическими расколами. Как справедливо замечает М. Младенович, «в целом же для политико-культурной палитры Балкан характерно отсутствие базового консенсуса» [1. С. 788]. И в Сербии, и в Хорватии политика развития сегодня направлена на преодоление конфликтности в разделенных обществах, причем наряду с привычными механизмами социальной и экономической политик на первый план в анализируемых странах выходит идентичность. Идентитарные механизмы политики могут как консолидировать общество, так и привести к углублению социальных размежеваний, отсюда цель данной статьи – провести сравнительный анализ политических дискурсов Сербии и Хорватии в отношении некогда объединяющей идеи славянской идентичности.

В контексте того, что Балканы по-прежнему остаются реперной точкой мировой политики, а этническая мобилизация общественных масс в Сербии и Хорватии приводит к затяжным политическим кризисам, актуальность проведенного исследования заключается в попытке оценить роль славянской идентификации в снижении этнополитической напряженности в Сербии и Хорватии. Кроме того, в работе рассматриваются не только новые подходы к конструированию наднациональной – славянской – идентичности со стороны самих государств, но также и со стороны внешних акторов, что может пролить свет на перспективы политического и общественного развития Сербии и Хорватии, а также стимулировать приращение нового знания в изучении славянской идентичности.

Методы и методология

В современной науке существуют различные трактовки понятий «политика развития», «макрополитическая идентичность», «славянская идентичность». Для того чтобы не выходить за рамки избранной научной парадигмы, т.е. «соединить реальность фактов с идеальностью целей» [2. С. 315], необходимо дать ряд пояснений относительно основных используемых терминов и методов исследования.

Политика развития – это система управленческих механизмов и социальных практик, которые использует государство с целью разрядки социальной напряженности и сокращения неравенства, а также для улучшения условий жизни населения и устранения дисбалансов в территориальном развитии отдельных регионов внутри страны. Она также направлена на повышение устойчивости государственных институтов к внутренним и внешним угрозам различного характера – от социально-экономических до военных. Для осуществ-

ления политики развития наряду с материальными ресурсами государство также задействует нематериальные, поэтому особое внимание уделяется развитию личностного потенциала граждан [3. С. 20]. Разработка и реализация такой политики тесно связаны с ценностными ориентирами и социальными установками общества, со сложившимся или только формирующимся образом желаемого завтра, и следовательно, с коллективным самовосприятием и пониманием своего места в мире. Отсюда понятие *идентичности* как формы самоопределения индивида и общества может служить исследовательской рамкой, внутри которой изучается политика развития.

Поскольку политика развития осуществляется государством, а ее основным адресатом выступает общество, то одним из наиболее серьезных вызовов для властных структур становится проблема макрополитических идентичностей, когда самоидентификация целого общества или отдельных социальных страт выходит за рамки установленных государственных границ. В политической науке существуют расхождения относительно трактовки понятия *макрополитическая идентичность*: в рамках нациестроительства постимперских политий, когда ядром конституирования государства являются новые нации, «макрополитическая идентичность – это аналитическая категория, указывающая на всю совокупность различных способов идентификации с сообществом, которое ассоциируется с современным государством» [4. С. 76]. Тем не менее существует иное понимание макрополитической идентичности, при котором она предполагает наличие объединяющих дискурсов, выходящих за пределы государственных границ [5]. Эти дискурсы могут как стимулировать дальнейшее политическое развитие во внешнеполитической сфере, так и способствовать усилению конфликтности на региональном и глобальном уровнях. *Славянская идентичность при анализе политик развития Сербии и Хорватии представляется аналитическим конструктом, который выходит за рамки государственных границ и на первый план выводит наднациональный компонент идентификации сербского и хорватского сообществ.*

При анализе славянских политических дискурсов в Сербии и Хорватии в данной статье славянство понимается в конструктивистской парадигме как этноязыковая общность. Конструктивизм [6–8] рассматривает этничность не как врожденную социобиологическую характеристику, а как политический конструкт, который часто используется для мобилизации масс в условиях межэтнической конкуренции. В этой связи противостояние различных стратегий развития и борьба за материальные и нематериальные ресурсы в контексте макрополитической идентификации уместно рассматривать через такие аспекты, как территория, культура, религия и чувство принадлежности индивидов к определенной социальной общности, в том числе макрополитической [9]. Таким образом, конструктивистская онтология позволяет представить исследуемую реальность как результат общих для данного общества восприятий, ценностей, идей, практик и материальных условий.

Кроме того, анализ дискурсов и критическое осмысление политических дискурсов (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Т.А. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Р. Водак) [10–14] позволяет контекстуализировать использование славянской идентичности в изучаемых странах и оценить ее влияние на трансформацию социально-политического развития, восполнив лакуны, возникающие при анализе политики развития через призму институционализма и исключительно инструментальной рациональности.

Обращение к идентитарной исследовательской парадигме, нашедшей отражения в работах И.С. Семененко, М. Кастельса, А. Нортон, А. Смита, Ч. Тилли и других авторов [15–17], позволяет, с одной стороны, оставаться в рамках понятийного аппарата, принятого в современной политической науке по вопросам идентичности. С другой стороны, это дает возможность выявить особенности и оценить эффективность политики развития в контексте преодоления этнополитических конфликтов в анализируемых политических системах. Кроме того, для сравнительного анализа стран были отобраны кейсы в соответствии с методологическими рекомендациями Дж. Матца [18]: исследование ограничено двумя странами постъюгославского пространства; применен мультивариантный эмпирический подход с формированием обобщений на среднем уровне; использован метод «аналитического эклектизма», при котором культурные факторы рассматриваются наряду с социально-экономическими и институциональными. Эмпирический материал исследования представлен диахроническим и синхроническим анализом научных, политических и общественных дискурсов относительно идеи славянства как политического проекта и как макрополитической идентичности. Кроме того, отдельное внимание было уделено современной политической практике Сербии и Хорватии в культурной, языковой и внешнеполитической сферах с опорой на соответствующие стратегические документы и законы исследуемых страны.

Формирование славянского дискурса на Балканах

Изучение славянской идентичности в диахроническом разрезе прежде всего обнаруживает ее двойственную природу: на протяжении истории славянство одновременно являлось мощным средством сплочения народов, проживающих в разных странах, и источником этнополитических конфликтов и борьбы идеологий. Сегодня, в отличие от других этномиров (скандинавского, арабского, тюркского), славянский мир характеризуется определенной мозаичностью. Так, географическое мозаичное панно славянства, собранное из западных, восточных и южных славян, позволило славянам развивать широкие формы культурного, политического и экономического взаимодействия, но одновременно породило и конфликтующие идентификационные проекты. Именно из-за этой внутренней неоднородности и фрагментированности идея панславизма, в отличие от панарабских и пантюркских инициатив, сегодня воспринимается как утопичная и нежизнеспособная.

Представляется, что одной из ключевых особенностей славянской идентичности является отсутствие единого центра притяжения – идейного и политического ядра, вокруг которого могли бы формироваться общие представления о политическом развитии. Одна из причин подобной гравитационной сингулярности заключается в том, что славянские народы исторически оказывались в орбите различных империй и находились под влиянием разнонаправленных политических и культурных проектов. В условиях постимперского периода они сталкиваются с необходимостью конструировать собственные модели нациестроительства, зачастую основанные на отрицательной идентичности – противопоставлении себя «другим», которые ранее воспринимались как «внутренние», но теперь перешли в разряд «внешних». Эти процессы происходят на фоне переосмысления своего места в новой цивилизационной системе координат, сложившейся, в частности, после распада СССР и СФРЮ.

В этом контексте показательно сравнение политических стратегий Сербии и Хорватии, которые в прошлом веке были объединены концепцией единого южнославянского пространства – Югославии, а сегодня по-разному интерпретируют и применяют идеи славянской идентичности в рамках своих национальных проектов развития. При анализе кейсов Сербии и Хорватии в рамках данной статьи предполагается сознательный отход от термина «панславизм», поскольку, как еще в XIX в. писал К.Н. Леонтьев, трудно артикулировать «определенные и яркие исторические свойства, которые были бы общи всем славянам. Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков» [19. С. 31]. Кроме того, идеи панславизма как частного случая политического паннационализма являются скорее историзмом, чем существующей политической практикой, поэтому применительно к анализу славянских дискурсов в Сербии и Хорватии в контексте их политик развития уместнее опираться на славянскую идентичность.

Необходимо отметить, что идеи славянства как политического мобилизационного ресурса для отстаивания собственных интересов и борьбы за независимость актуализировались на территории современных Сербии и Хорватии еще в XIX в. Так, единое славянское этноязыковое и культурное пространство стало консолидирующей основой для стирания разделительных линий, оформленных в рамках Австро-Венгерской и Османской империй. Например, в Хорватии в ответ на политику мадьяризации славянских земель империи Габсбургов в 1830-е гг. появилось политическое движение иллиризма. Его участники рассматривали иллирийцев как славянский народ (или как этнос, прошедший процесс славянизации), противопоставляя их внешним «другим» на Балканах: венграм, османам, немцам и итальянцам. Как отмечает М. Гринберг, именно панславистские идеи, набравшие популярность среди славянской интеллигенции, легли в основу иллирийской идеологии и стали важным инструментом сопротивления венгерскому национализму, который ставил под угрозу хорватскую идентичность [20. Р. 366]. Сегодня

в науке остается популярным мнение о том, что иллиризм способствовал становлению исключительно хорватской нации, хотя факты говорят о том, что Иллирийское движение, распространившееся также и на территории современных Словении, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины [20. Р. 370–374], выступало за объединение всех «иллиров», т.е. южнославянских народов, сначала в рамках общего лингвистического и культурного пространства, а впоследствии – и в политическом измерении. Практически в то же время, в 1840-е гг., в полунезависимом Сербском княжестве появляется «Тайный демократический панславянский клуб», деятельность которого была направлена на пробуждение славянской идентичности на Балканах и побуждение к совместной борьбе славянских народов за независимость. Однако, несмотря на сотрудничество клуба с Иллирийским движением, в Сербском княжестве развивались иные внешнеполитические дискурсы вокруг сербского национального самосознания и будущей роли сербского государства в регионе. Как замечает К.В. Никифоров, «идея австрийского “славизма” пришла в противоречие с идеей сербской национальной самостоятельности. Причинами этого были как слабость Сербии, видевшей в иллиризме угрозу перенесения центра притяжения южных славян (прежде всего населения Боснии и Герцеговины) в Австрию, так и одновременно ее сила, выражавшаяся в наличии автономной государственности и сильно развитого сербского национального самосознания» [21. С. 127–128]. Отсюда и появившаяся в 1844 г. первая внешнеполитическая концепция Сербии «Начертание» под авторством И. Гарашанина была в целом сконцентрирована на становлении сербской государственности, а отдельные южнославянские мотивы там использовались как мобилизационный ресурс для сплочения культурно близких народов в противопоставлении к угнетательской политике Великих держав (Австро-Венгрии и Османской империи) [22. С. 155–156].

Тем не менее создание в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевства Югославия) показало, что отдельные сербские и хорватские националистические проекты уступили место славянской идентичности в борьбе южных славян за собственное государство. Политический проект Первой Югославии, в отличие от других европейских государств, не предусматривал создания единой нации, что и было принципиально невозможно, поскольку, как видно из самого названия, это было государство трех народов. Именно поэтому доминирующим политическим дискурсом того периода была идея объединения южных славян, т.е. идеология югославизма [23], главная цель которой – создание в рамках нового государства разделяемого в обществе чувства принадлежности к общему «дому» южных славян через языковые, культурные и исторические связи. В этой связи обращает на себя внимание монография сербского этнографа, ректора Белградского университета и основоположника современной балканистики Й. Цвиича «Психологические особенности южных славян», вышедшая на французском языке в 1912 г. и переведенная на серб-

ский язык уже после смерти автора в 1927 г. Хотя работа лишена определенной методологической фундаментальности, интересно отметить, что взгляды Цвиича на психологическое сходство сербов, хорватов и словенцев использовались не только в идеологическом дискурсе Королевства, но и в коммунистической риторике Югославии. Цвиич подчеркивал, что южным славянам присущи интеллектуальная и нравственная чувствительность, которая часто переходит в страсти и может «переродиться в нетерпимость во внутренней борьбе» [24. С. 9].

Именно нарративы героизма, непокорности внешним «другим», развитого национального самосознания и свободного духа, описанные Цвиичем, надолго укрепились в основном политическом дискурсе и коммунистической Югославии, образовавшейся, в логике ее основателей, в результате сплоченной борьбы южных славян против фашизма. Несомненно, появление Федеративной Народной Республики Югославия (с 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия, СФРЮ) на политической карте Европы стало результатом не только *героического* сопротивления южнославянских народов фашизму, но и следствием гражданской войны, разразившейся внутри прежнего Королевства Югославия. В новых условиях славянская идентичность стала не только инструментом в преодолении разногласий между тремя основными этническими группами, предлагавшими различные векторы политического и национального развития, но и основой для примирения социальных страт, противостоявших друг другу во времена Второй мировой и гражданской войн. Более того, учитывая многонациональный состав союзных республик, идеологи Второй Югославии переосмыслили концепцию югославизма, сместив акцент с этнокультурного измерения на гражданское. В результате славянская идентичность трансформировалась в более универсальное понятие – «югославяне», т.е. граждане Югославии, по аналогии с советским определением «новая историческая общность – советский народ»¹).

Славянское миметическое соперничество Сербии и Хорватии

Кровопролитный распад Югославии поставил крест на идеологии югославизма, тем самым дискредитировав среди сербов и хорватов идею общего славянского братства. Разделенные военными конфликтами и политической враждой народы столкнулись с необходимостью поиска новых символов и смыслов, которые бы описывали вновь появившееся национальные государства – Сербию и Хорватию. В данной связи сербские и хорватские политические элиты столкнулись с ситуацией *миметического соперничества* (в терминологии Р. Жирара [25]), когда противоположные стороны, застрявшие в бесконечном конфликте, потеряли всякие различия, отсюда их главное столкновение перешло из поля борьбы за ресурсы (символические или материальные) [26] в метафорическое зазеркалье, где необходимо было доказать, что в отражении видится не брат-близнец, а воображаемый «другой».

Действительно, на протяжении нескольких десятилетий существования СФРЮ политика «Братства и единства» («Bratstvo i Jedinstvo») была необходимым условием функционирования многонациональной федерации, формируя единство между всеми югославскими народами, несмотря на их различия [27]. Для того чтобы разорвать миметические связи между Сербией и Хорватией, в обеих странах была сделана ставка на архаизацию и автохтонность населения, однако если Сербия в поисках новой идентичности развернулась на восток, то Хорватия – на запад.

Так, в Сербии актуализировались косовская и святославская мифологемы, поддерживающие славянские нарративы: сербская национальная идентичность формируется на основе памяти о национально-освободительной борьбе и образе Святого Саввы как символа православного единства [28]. Отсюда и мифологизация России в роли центра славянства и православного мира: в официальном дискурсе и общественном сознании сербов появляется образ России-матери, призванной защитить Сербию и славянский свет от внешнего «другого». Например, в 2015 г. президент Сербии Т. Николич на встрече с министром иностранных дел России С. Лавровым сказал: «У человека есть друзья по всему миру, но он чаще всего помнит свою мать, так и Сербия, когда помощь нужна больше всего, вспоминает Российскую Федерацию»². Кроме того, как пишет Е. Пономарева, «сербское общество в своем бытии опирается на традицию, воспринимая в качестве источника всякой деятельности прошлое. Крайне живучим оказался поведенческий стереотип – готовность в любой момент к вооруженному отпору. <...> в сербских детей с малых лет закладывалось юнацкое (героическое) начало, что не могло не сказаться на мировосприятии народа. На протяжении веков это мировосприятие определяла оппозиция свой – чужой. Чужие менялись, но отношение к ним оставалось столь же жестким и одномерным» [29. С. 39].

Процесс нацистроительства подразумевает очерчивание не только географических границ, но и культурно-символических, а у Хорватии и Сербии происходило частичное наложение данных рамок (по меткому выражению историка А.И. Миллера, конфликт образов «идеальных отечеств» [30]). Отсюда Хорватия в официальном политическом дискурсе стала отказываться от принадлежности и к Балканам как географической территории, и к славизму как к символической границе, начав развивать идею о принадлежности к Центральной Европе³, а также мысль об отсутствии славянской идентификации в Хорватии⁴. Кроме того, в ходе правления Ф. Туджмана в 1997 г. была принята поправка в Конституцию страны о том, что «запрещается инициировать процесс объединения Республики Хорватия в союзы с другими странами, в которых объединение привело бы или могло привести к восстановлению югославского государственного единства, то есть какого-либо балканского государственного союза в любой форме»⁵. Важным инструментом в идентитарной борьбе против «общего» с Сербией стал и мобилизованный лингвизм [31], когда язык стал восприниматься как одна из основ хорватского национального

возрождения. Так, государственный язык Хорватии, в югославский период имевший номинацию «хорватосербский» (или «сербохорватский» за пределами СР Хорватия), потерял сначала «сербскость» в названии, а затем и в лексике: с момента обретения Хорватией независимости проводилась политика десербизации и пуризма. Ежегодно объявлялись конкурсы на поиск или изобретение «самого хорватского слова», перепечатывались словари и грамматические справочники, а хорватские политики находились в режиме постоянной самоцензуры, опасаясь сказать непатриотичное (т.е. используемое не только хорватами) слово. Интересно, что в рамках очищения хорватского языка от сербизмов хорваты возвращались к славянским корням, заменяя, например, широко используемые в сербском языке турцизмы на менее употребительные славянские аналоги. Не улучшала ситуацию и языковая политика в Сербии, в основе которой лежал *мимесис присвоения* [32]. Так, после распада СФРЮ в Сербии набирал популярность дискурс о том, что ранее существовавшие в рамках сербохорватского, а теперь получившие политическое оформление хорватский, черногорский, боснийский языки являются вариантами сербского языка, а значит, их носители – это сербы, исповедующие разные религии [33]. Однако уже к концу второго десятилетия XXI в. присвоенческая языковая политика потеряла остроту и в Хорватии, и в Сербии и обозначились тенденции к идеологическому примирению на базе «общего» языка (о феномене общего языка на постюгославском пространстве см.: [34]).

Славянское «зазеркалье»: попытки конструирования славянской идентичности извне

Представляется, что весомый урон славянскому самосознанию сербов и хорватов после распада СФРЮ также был нанесен извне. Балканские войны 1990-х гг. вернули в западный общественный, политический и научный дискурсы метафору «балканизация», которая обесценивала коллективную балканскую идентичность и дегуманизировала народы, проживающие на Балканах (подробнее см.: [35]). Как справедливо замечает А.В. Малешевич, «теперь балканизация имеет утилитарный (негативный) смысл по отношению к новой модели европеизации. Речь идет об очередном варианте вполне архетипической бинарной конструкции “цивилизация – варварство”. Разумеется, войны на фоне распада Югославии стали как бы дополнительным подтверждением и фрагментационного, и “варварского” элементов концепта» [36. С. 156]. Роль варварского «другого» в лице славянских государств на Балканах прочно укрепилась в западной научной оптике, что способствовало и процессам деславянизации в Сербии и Хорватии [37]. В этой связи примечательной является монография «Панславизм и славянофилия в современной Центральной и Восточной Европе: истоки, проявления и функции», выпущенная британским издательским домом Palgrave Macmillan в 2023 г. и посвященная анализу процессов влияния геополитических панславянских дискурсов на формирование идентичности и политики стран Центральной и Восточной Европы [38].

Читателей еще до текста введения готовят к ответу на вопрос, что такое славянство и как оно влияет на политику стран в Европе: в качестве фронтисписа в монографии используется иллюстрация цветочного славянского орнамента, однако некоторые цветы заменены... на автоматы Калашникова. В целом книга представляет Россию центром славянского мира (что, безусловно, противоречит положениям концепции внешней политики России, где гораздо большее внимание уделено вопросам Русского мира и роли России как государства-цивилизации⁶), а также заметно преувеличивает роль России в распространении макрополитической идентичности в других славянских странах. При этом, анализируя славянские дискурсы в Сербии, авторы вообще лишают сербов какой-либо политической субъектности. Так, например, национально-освободительная борьба сербов в XIX в. против османского ига представляется мотивированной извне (с полным игнорированием двух сербских восстаний): «Панславянскую “традиционную дружбу” между Сербией и Россией можно, таким образом, рассматривать как распространение русского панславизма, возникшего в специфическом геополитическом контексте стремления балканских государств освободиться от османской оккупации. Для сербских политических лидеров под османским владычеством славянская идея была сконструирована в терминах поддержки и помощи со стороны России в их усилиях по освобождению от иностранной оккупации» [38. Р. 129]. Хорватии же отвели более самостоятельную роль в вопросе становления национального самосознания, отмечая при этом, что идеи панславизма «практические не имели резонанса»: «Одна из причин заключается в том, что панславизм как политическая мысль и культурная идентичность никогда не был заметной идеей для хорватов. Поскольку панславизм относится к широкой идее существования культурных, языковых и исторических общностей среди славянских народов, которые должны разделять братские узы, выражающиеся в политических действиях, такие идеи не имели большого веса в Хорватии» [38. Р. 129]. Безусловно, данное положение авторов не только голословно, но и опровергается другими научными исследованиями как хорватских, так и зарубежных ученых, представленные в том числе в тексте данной статьи.

Однако есть и иные подходы к включению славянской макрополитической идентичности в западный политический дискурс. Например, сторонники *еврославизма* говорят о том, что процесс евроинтеграции Польши, Словакии, Словении, Чехии, Болгарии и Хорватии привел к тому, что Европейский союз стал естественной политической средой для большинства славянских народов и, следовательно, практическим решением этнополитической конфликтности, присутствующей в славянских государствах [39]. Еврослависты при этом отмечают, что «дисбаланс между Россией и остальным славянским миром препятствует развитию панславянского чувства принадлежности» [40], а значит, будущее славян (за исключением России) – в Европе.

Сегодня в условиях актуализации славянских идей в странах Европы западными учеными считаются

также угрозы целостности Европейского союза и евроинтеграции славянских государств: «В последние годы также начали появляться культурные, а иногда и весьма аполитичные концепции, программы и нарративы славянского единства <...> Эти новые формы панславизма/славянофилии могут угрожать интеграции в ЕС» [39. Р. 7]. Поэтому на институциональном уровне ЕС также можно найти проекты, посвященные переосмыслению славянской макрополитической идентичности, которой уготована участь европейского пути. Так, например, на сайте Европейской комиссии можно найти ряд текущих проектов, посвященных славянским исследованиям. В основном они касаются языков, традиций и обычаев. Обратил на себя особое внимание проект «В поисках исторической квил⁷-идентичности в славяноязычных Динарских горах» Австрийской академии наук, рассчитанный на 2022–2025 гг. с бюджетом более 180 тысяч евро, который посвящен «анализу гендерного и сексуального разнообразия на Западных Балканах накануне интенсивной модернизации 20-го века»⁸. Австрийские ученые исследуют в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии «жизнь и повседневные практики региональных гендерно-небинарных людей (вирджин)», «чтобы пролить свет на местные традиции, в которых квил-люди были заметными и уважаемыми членами сообщества». Почему-то за скобками исследования остается суть феномена вирджин, когда старшие дочери в семье при отсутствии наследников мужского пола, чтобы иметь возможность унаследовать имущество семьи, *принудительно* (!) переодевались в мальчиков и представлялись обществу как законные сыновья и наследники семьи. Такие женщины не имели права заводить собственные семьи и рожать детей, при этом их занятия должны были носить исключительно мужской характер, т.е. запрещались любые увлечения, считающиеся традиционно женскими в данном обществе. Безусловно, вирджины в патриархальных горных районах на Балканах были «уважаемыми членами сообщества», если не брать во внимания их личную трагедию. Этой теме посвящен югославский фильм «Вирджина» (1991 г., режиссер С. Каранович), где рассказывается история девочки, ставшей вирджиной и страдающей от принудительной смены гендерной идентичности. Отголоски этого жестокого обычая до сих пор присутствуют в общественном сознании. Например, в постъюгославских странах популярен анекдот про Черногорию, где подчеркивается, что до сих пор дети мужского пола являются предпочтительными в семье:

Crnogorac na pitanje koliko ima dece odgovara: „Imam jedno dete. I dve ćerke”

(Черногорец на вопрос, сколько у него детей, отвечает: «У меня один ребенок. И две дочери»)⁹.

Творческое осмысление этой проблемы можно встретить и в тексте песни современной хорватской группы «Elemental»:

To je naša priroda i društvo

Nek' se rodi dijete, al neka bude muško

(Таковы наша природа и общество,

Пусть родится ребенок, но пусть он будет мальчиком)¹⁰.

Таким образом, практический еврославизм функционеров ЕС выражается в переписывании истории и предложении альтернативных (подчас парадоксальных) трактовок славянской идентичности. В этой связи уместно вспомнить замечание С. Хантингтона о том, что «Запад – странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого. Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли. Запад уникален, а вовсе не универсален» [41].

Славянская идентичность в Сербии и Хорватии сегодня

На сегодняшний день в Сербии и Хорватии славянская идентификация реже используется в практической политике в связи с негативными коннотациями славизма, возникшими в ходе распада Югославии. Однако политическое развитие в Сербии, и Хорватии, когда речь идет о желаемом образе будущего и своего места в мире, продолжает сопровождаться славянскими мотивами. Так, анализ официальных программных документов правительств Сербии и Хорватии, в частности в сфере культурной политики, показал, что славянский идентитарный маркер остается одним из ведущих в сербском и хорватском обществах.

В документе «Стратегия развития культуры Республики Сербии на 2020–2029 гг.»¹¹ прямо определены семь основных идентитарных маркеров, на которых базируется культурная и, шире, национальная политика Сербии. На первом месте стоит именно *славянская идентичность*, причем в тексте документа отмечается, что сербское славянство «базируется на языковой близости славянских народов и на историческом опыте взаимопроникновения культур, входящих в славянское наследие». Отдельно подчеркивается «сложный и неоднозначный опыт интеграционных процессов между южнославянскими народами», что, с одной стороны, еще раз доказывает географическую фрагментарность и мозаичность славянского мира, а с другой – обнажает основную функцию славянской идентификации в Сербии: снижение этнополитической конфликтности в регионе и выстраивание добрососедских отношений с южнославянскими странами, а не со всем славянским миром. Далее по тексту «Стратегии...» называются такие идентитарные маркеры, как *византизм, балканская идентичность, героическое прошлое, просвещенно-европейская ориентация, демократия, контактность и открытость миру*. Подобный порядок маркеров может свидетельствовать об обращенности процесса нациестроительства Сербии к прошлому: через политику памяти и арханизацию истории Сербия стремится обосновать свое независимое и суверенное положение на политической карте мира. При этом вступающие между собой в некоторое противоречие маркеры сербской идентичности подчеркивают и интерстициальное положение современной Сербии в мировой политике: между Востоком и Западом, между непокорным прошлым и конформистским будущим, между традицией и новацией.

В официальных документах современной Хорватии отсутствуют четко прописанные маркеры идентичности, однако семиотический анализ текстов «Национального плана развития культуры и СМИ на период 2023–2027 гг.»¹² и «Обзор культурного развития и культурной политики в Республике Хорватия»¹³ позволяет указать следующие основные идентитарные маркеры: *хорватское национальное самосознание* (языковая и культурная идентичность), *Европейская и Адриатическая идентичность* (пространственный компонент), *балканская идентичность* (исключительно в контексте контактов с культурами соседних стран), *хорватоцентризм в развитии славянства* (подчеркивается идеологический вклад хорватских мыслителей в становление государства южных славян), *христианская фронтирная идентичность* (Хорватия представляется как приграничье христианского мира Европы), *жертвенность* (развивается нарратив о жертве хорватского народа в борьбе за независимость в войне 1991–1995 гг.). Если у сербов славянская идентификация стоит первой в иерархии идентитарных маркеров, то в Хорватии на первый план выходит этнонациональное самосознание. Однако стоит отметить, что в хорватском политическом и научном дискурсах «хорватский» и «славянский», по замечанию хорватского философа В. Беляя, часто выступают синонимами, так что определение «хорватский» используется для описания и общеславянских реалий [42. Р. 74]. В то же время расхождения наблюдаются относительно пространственных компонентов идентичности: как уже было отмечено, Сербия более ориентирована на восток (византийское наследие, православие), в то время как Хорватия обращена на запад (принадлежность к центральной Европе, фронтир католицизма). В данном сравнении показательно и самоощущение сербов и хорватов в развитии славянства: если Сербия, осознавая свою славянскую идентификацию, подчеркивает открытость миру, то в Хорватии, напротив, делается упор на роль хорватской нации в укоренении славянства как политической программы развития бывшей Югославии.

Выводы

Славянская идентичность по-прежнему занимает центральное место в процессе самоидентификации как у сербов, так и у хорватов, поскольку она напрямую связана с их общим историческим прошлым, особенно с идеологией югославизма. Важным элементом этой идентичности остается языковая близость: и сербский, и хорватский языки классифицируются как славянские. Вместе с тем предпринимаются попытки «деславянизации» этих народов через исторические и антропологические исследования, проводимые в рамках примордиалистской парадигмы. Главное различие между этими процессами заключается в том, что в Сербии подобные нарративы находятся на периферии научного и общественного дискурсов, тогда как в Хорватии они получают поддержку на уровне государственной политики и вписываются в модель фронтирной идентичности с акцентом на трансгрессию, адаптацию и принятие новых ценностей.

Тем не менее языковая, культурная и историческая общность (пусть и активно пересматриваемая сегодня) не позволяет хорватскому обществу полностью отмежеваться от югославского идентитарного наследия. Данный вывод подтверждают и зарубежные исследования. Так, например, в статье 2023 г. Л. Кукич [43] отмечает, что межэтнические контакты, основанные на югославянской общности, не только способствовали снижению этнической напряженности в период обострения политической конфликтности во время распада Югославии, но и продолжают работать на гармонизацию отношений между сербами и хорватами сегодня.

Таким образом, анализ современных стратегий развития Сербии и Хорватии свидетельствует о трансформации славянской идентичности: из сферы политики она все более смещается в область культуры. Этот процесс сопровождается утратой прежних устойчивых

ориентиров и ценностных установок. Тем не менее как в сербском, так и в хорватском обществах заметна потребность в формировании примирительных моделей – как на внутригосударственном уровне, так и в контексте взаимоотношений с соседними странами. В этом смысле славянская идея сохраняет потенциал для объединения и диалога в условиях социального и исторического разделения.

Подтверждением тому служит и словенская организация «Форум славянских культур»¹⁴, которая в прошлом году отметила 20-летие. Новостной раздел сайта «Форума» демонстрирует, что сербы и хорваты совместно с другими славянскими странами продолжают сотрудничество в области культуры, науки и общественной жизни, чему не смогли воспрепятствовать ни пандемия коронавируса, ни турбулентность мировой политики.

Примечания

¹ XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1971. 598 с.

² Što je čovjeku majka, to je Srbiji Rusija. URL: <https://www.rtvbn.com/367115/Sto-je-čovjeku-majka-to-je-Srbiji-Rusija> (дата обращения: 25.10.2024).

³ Predsjednica objasnila zašto izbjegava izraz 'zapadni Balkan'. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/predsjednica-objasnila-zasto-izbjegava-izraz-zapadni-balkan-1272691> (дата обращения: 25.10.2024).

⁴ Postoje dokazi da Hrvati nisu Slaveni, već jedini narod koji je svoje korijene sačuvao 6500 godina. URL: <http://www.hazud.hr/postoje-dokazi-da-hrvati-nisu-slaveni-vec-jedini-narod-koji-je-svoje-korijene-sacuvao-6500-godina/> (дата обращения: 25.10.2024).

⁵ Ustav Republike Hrvatske. URL: <https://www.zakon.hr/z/94/Ustav-Republike-Hrvatske> (дата обращения: 25.10.2024).

⁶ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.

⁷ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Looking for Historical Queerness in the Slavic-Speaking Dinaric Mountains. EU funded projects. European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/info/funding-tenders/opportunities/portal/screen/opportunities/projects-details/31045243/101032413/H2020> (дата обращения: 25.10.2024).

⁹ Đorđević K. Nek je živo, zdravo i – muško. URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/282180/Nek-je-zivo-zdravo-i-musko> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁰ Priroda i društvo. Elemental. URL: <https://www.elemental.hr/tekstovi/elemental-priroda-i-drustvo/> (дата обращения: 25.10.2024).

¹¹ Strategija razvoja kulture Republike Србије од 2020 до 2029. URL: <https://kultura.gov.rs/extfile/sr/4476/strategija-razvoja-kulture-od-2020--do-2029--godine.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).

¹² Nacionalni plan razvoja kulture i medija za razdoblje od 2023 do 2027 godine. URL: https://min-kulture.gov.hr/UserDocsImages/dokumenti/Nacionalni%20plan%20razvoja%20kulture%20i%20medija/Nacionalni%20plan_objava.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

¹³ Pregled kulturnog razvoja i kulturnih politika u Republici hrvatskoj. URL: <https://min-kulture.gov.hr/UserDocsImages/dokumenti/Pregled%20kulturnog%20razvoja%20i%20kulturnih%20politika%20u%20Republici%20Hrvatskoj.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁴ Форум славянских культур. URL: <https://www.fsk.si/ru/> (дата обращения: 25.10.2024).

Список источников

- Младенович М. Политическая культура как фактор развития политической системы (на примере Балкан) // Историки-слависты МГУ: в поисках идентичности; в ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М.: Славянский мир, 2011. С. 785–792.
- Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / отв. ред. Ю.С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
- Семенов И.С. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. С. 18–26.
- Малинова О.Ю. Макрополитическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 76.
- Castells M. Globalization and Identity: a Comparative Perspective // Journal of Contemporary Culture. 2006. Vol. 4, № 1. P. 56–67.
- Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3. С. 4–19.
- Dessler D. Constructivism within a Positivist Social Science // Review of International Studies. 1999. Vol. 25, № 1. P. 123–137.
- Finnemore M., Sikkink K. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 2001. № 4. P. 391–416.
- Brubaker R. Ethnicity without groups. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 283 p.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2014. 240 с.
- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
- Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 286–291.
- Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2008. 344 с.
- Fairclough N. Critical discourse analysis and critical policy studies // Critical Policy Studies. 2013. Vol. 7, № 2. P. 177–197.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.
- Smith A.D. National Identity. Ethnonationalism in Comparative Perspective. Reno: Univ. of Nevada Press, 1991. 240 p.
- Tilly Ch. Stories, Identities and Political Change. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 2002. 280 p.
- Martz J. Comparing Similar Countries. Problems of Conceptualization and Comparability in Latin America // Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance / ed. by M. Dogan, A. Kasancigil. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1994. P. 239–259.
- Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876. 132 с.

20. Greenberg M.L. The Illyrian Movement: A Croatian Vision of South Slavic Unity // *Handbook of Language and Ethnic Identity: The Success-Failure Continuum in Language Identity Efforts* / ed. by J.A. Fishman, O. Garcia. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 364–380.
21. Никифоров К.В. «Начертание» Или Гарашинина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М. : Индрик, 2015. 256 с.
22. Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд : Наш дом, 2002. 381 с.
23. Stiks I., Wachtel A. Squaring the South Slavic Circle: Ethnicity, Nationhood and Citizenship in Yugoslavia // *Civic Nationalisms in Global Perspective* / ed. by M.T. Jasper. London ; New York : Routledge, 2019. P. 54–69.
24. Цвијић Ј. Психички особине јужних словена. Београд, 2019. 357 с.
25. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М. : ББИ, 2018. 202 с.
26. Кожевникова М., Пророкова М.Н. Миметическое насилие и современная этиология: к проблеме истоков человеческой агрессии // *Человек*. 2019. Т. 30, № 3. С. 61–79.
27. Lampe J.R. The Failure of the Yugoslav National Idea // *Studies in East European Thought*. 1994. Vol. 46. P. 69–89.
28. Бисерко С. Гегемонистские националистические матрицы прошлого и будущее Балкан // *Актуальные проблемы Европы*. 2021. № 110 (2). С. 84–100.
29. Пономарева Е.Г. Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии // *Полис. Политические исследования*. 2005. № 3. С. 34–43.
30. Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб. : Алетей, 2000. 284 с.
31. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
32. Жирар Р. Насилие и священное. СПб., 2010. 448 с.
33. Grčević M. Jezično planiranje i Zakon o hrvatskom jeziku // *Filologija*. 2022. Vol. 78. P. 35–50.
34. Попадьева Т.И. «Общий» язык на постъюгославском пространстве: языковая политика и стратегии развития // *Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Оломская*. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2024. С. 120–126.
35. Попадьева Т.И. Балканизация // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов. М. : Весь мир, 2023. С. 394–399.
36. Малешевич А.В. Балканизация или европеизация: опыт концептуальной деконструкции // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 5. С. 154–166.
37. Попадьева Т.И. Балканы: разделенные или разделившиеся? Анализ нарративов балканской идентичности на постъюгославском пространстве // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2023. Т. 24, № 4. С. 6–22.
38. Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions / ed. by M. Suslov, M. Čejka, V. Đorđević. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. 456 p.
39. Đorđević V., Suslov M., Čejka M., Mocek O., Hrabálek M. Revisiting Pan-Slavism in the Contemporary Perspective // *Nationalities Papers*. 2023. Vol. 51, № 1. P. 3–13.
40. Troebst S. Slavizität: Identitätsmuster, Analyse Rahmen, Mythos // *Osteuropa*. 2009. Vol. 59, № 12. P. 7–19.
41. Huntington S. West is Unique, and not so Universal // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 75, № 6. P. 28–46.
42. Belaj V. Sind die Kroaten Slawen? Die Frage der übernationalen Identität // *Studia ethnologica Croatica*. 1994. Vol. 6, № 1. P. 67–78.
43. Kukic L. The last Yugoslavs: Ethnic diversity and national identity // *Explorations in Economic History*. 2023. Vol. 88. P. 1–62.

References

1. Mladenovich, M. (2011) Politicheskaya kul'tura kak faktor razvitiya politicheskoy sistemy (na primere Balkan) [Political Culture as a Factor in the Development of the Political System (on the Example of the Balkans)]. In: *Istoriki-slavyisty MGU: v poiskakh identichnosti; v oznamenovaniye 70-letiya kafedry i 175-letiya uchrezhdeniya slavyisticheskikh kafedr v universitetakh Rossiyskoy imperii* [Historians-Slavists of Moscow State University: In Search of Identity; in Commemoration of the 70th Anniversary of the Department and the 175th Anniversary of the Establishment of Slavic Departments in the Universities of the Russian Empire]. Moscow: Slavyanskiy mir. pp. 785–792.
2. Barthes, R. (1983) Nulevaya stepen' pis'ma [Writing Degree Zero]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. pp. 306–349.
3. Semenenko, I.S. (2023) Identichnost' kak resurs obshchestvennogo razvitiya [Identity as a Resource for Social Development]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Individual, Society, Politics. New Contours of the Research Field]. Moscow: Ves' mir. pp. 18–26.
4. Malinova, O.Yu. (2011) Makropoliticheskaya identichnost' [Macro-Political Identity]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political Identity and Identity Politics]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. p. 76.
5. Castells, M. (2006) Globalization and Identity: a Comparative Perspective. *Journal of Contemporary Culture*. 4 (1). pp. 56–67.
6. Alekseyeva, T.A. (2012) Khimery strany Oz: "kul'turnyy povorot" v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Chimeras of the Land of Oz: The "Cultural Turn" in International Relations Theory]. In: *Mezhdunarodnyye protsessy*. 10 (3). pp. 4–19.
7. Dessler, D. (1999) Constructivism within a Positivist Social Science. *Review of International Studies*. 25 (1). pp. 123–137.
8. Finnemore, M. & Sikkink, K. (2001) Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics. *Annual Review of Political Science*. 4. pp. 391–416.
9. Brubaker, R. (2004) *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press.
10. Baudrillard, J. (2014) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow: Postum.
11. Barthes, R. (2008) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskiy projekt.
12. Wodak, R. (2011) Kriticheskaya lingvistika i kriticheskiy analiz diskursa [Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis]. *Politicheskaya lingvistika*. 4. pp. 286–291.
13. van Dijk, T.A. (2008) *Discourse i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: URSS.
14. Fairclough, N. (2013) Critical discourse analysis and critical policy studies. *Critical Policy Studies*. 7 (2). pp. 177–197.
15. Semenenko, I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Individual, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow: Ves' Mir.
16. Smith, A.D. (1991) *National Identity. Ethnonationalism in Comparative Perspective*. Reno: University of Nevada Press.
17. Tilly, Ch. (2002) *Stories, Identities and Political Change*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
18. Martz, J. (1994) Comparing Similar Countries. Problems of Conceptualization and Comparability in Latin America. In: Dogan, M. & Kazancıgil, A. (eds) *Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance*. Oxford: Cambridge: Blackwell. pp. 239–259.
19. Leont'yev, K.N. (1876) *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantinism and Slavdom]. Moscow.
20. Greenberg, M.L. (2010) The Illyrian Movement: A Croatian Vision of South Slavic Unity. In: Fishman, J.A. & Garcia, O. (eds) *Handbook of Language and Ethnic Identity: The Success-Failure Continuum in Language Identity Efforts*. Oxford: Oxford University Press. pp. 364–380.
21. Nikiforov, K.V. (2015) *"Nachertaniye" Ilii Garashanina i vnesnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg.* [The "Draft" of Ilija Garašanin and the Foreign Policy of Serbia in 1842–1853]. Moscow: Indrik.
22. Bataковић, D.T., Протић, M.St., Samardžić, N. & Fotić, A. (2002) *Nova istorija srpskog naroda*. Beograd: Naš dom.

23. Stiks, I. & Wachtel, A. (2019) Squaring the South Slavic Circle: Ethnicity, Nationhood and Citizenship in Yugoslavia. In: Jasper, M.T. (ed.) *Civic Nationalisms in Global Perspective*. London; New York: Routledge. pp. 54–69.
24. Cvijić, J. (2019) *Psihičke osobine južnih Slovena*. Beograd.
25. Girard, R. (2018) *Ya vizhu Satana, padayushchego, kak molniya* [I See Satan Fall Like Lightning]. Moscow: BBI.
26. Kozhevnikova, M. & Prorokova, M.N. (2019) Mimeticheskoye nasiliye i sovremennaya etologiya: k probleme istokov chelovecheskoy agressii [Mimetic Violence and Modern Ethology: On the Problem of the Origins of Human Aggression]. *Chelovek*. 30 (3). pp. 61–79.
27. Lampe, J.R. (1994) The Failure of the Yugoslav National Idea. *Studies in East European Thought*. 46. pp. 69–89.
28. Biserko, S. (2021) Gegemonistskiye natsionalisticheskiye matritsy proshlogo i budushcheye Balkan [Hegemonic Nationalist Matrices of the Past and the Future of the Balkans]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*. 110 (2). pp. 84–100.
29. Ponomareva, E.G. (2005) Khronopoliticheskoye izmereniye modernizatsionnykh protsessov v sovremennoy Serbii [The Chrono-Political Dimension of Modernization Processes in Contemporary Serbia]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*. 3. pp. 34–43.
30. Miller, A.I. (2000) *Ukrainskiy vopros v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka)* [The Ukrainian Question in the Policy of the Authorities and Russian Public Opinion (Second Half of the 19th Century)]. Saint Petersburg: Aleteya.
31. Guboglo, M.N. (1998) *Yazyki etnicheskoy mobilizatsii* [Languages of Ethnic Mobilization]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
32. Girard, R. (2010) *Nasiliye i svyashchennoye* [Violence and the Sacred]. Saint Petersburg.
33. Grčević, M. (2022) Jezično planiranje i Zakon o hrvatskom jeziku [Language Planning and the Law on the Croatian Language]. *Filologija*. 78. pp. 35–50.
34. Popadyeva, T.I. (2024) "Obshchiy" yazyk na post'yugoslavskom prostranstve: yazykovaya politika i strategii razvitiya [The "Common" Language in the Post-Yugoslav Space: Language Policy and Development Strategies]. In: Olomskaia, N.N. (ed.) *Mezhdistsiplinarnyye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov* [Interdisciplinary Aspects of Linguistic Research: Collection of Scientific Works]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. pp. 120–126.
35. Popadyeva, T.I. (2023) Balkanizatsiya [Balkanization]. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Individual, Society, Politics. New Contours of the Research Field]. Moscow: Ves' mir. pp. 394–399.
36. Maleshevich, A.V. (2024) Balkanizatsiya ili yevropeizatsiya: opyt kontseptual'noy dekonstruktsii [Balkanization or Europeanization: An Attempt at Conceptual Deconstruction]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*. 5. pp. 154–166.
37. Popadyeva, T.I. (2023) Balkany: razdelennyye ili razdelivshiesya? Analiz narrativov balkanskoy identichnosti na post'yugoslavskom prostranstve [The Balkans: Divided or Dividing? An Analysis of Narratives of Balkan Identity in the Post-Yugoslav Space]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. 24 (4). pp. 6–22.
38. Suslov, M., Čejka, M. & Đorđević, V. (eds) (2023) *Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions*. Cham: Palgrave Macmillan.
39. Đorđević, V., Suslov, M., Čejka, M., Mocek, O. & Hrabálek, M. (2023) Revisiting Pan-Slavism in the Contemporary Perspective. *Nationalities Papers*. 51 (1). pp. 3–13.
40. Troebst, S. (2009) Slavizität: Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos. *Osteuropa*. 59 (12). pp. 7–19.
41. Huntington, S. (1996) West is Unique, and not so Universal. *Foreign Affairs*. 75 (6). pp. 28–46.
42. Belaj, V. (1994) Sind die Kroaten Slawen? Die Frage der übernationalen Identität. *Studia ethnologica Croatica*. 6 (1). pp. 67–78.
43. Kukic, L. (2023) The last Yugoslavs: Ethnic diversity and national identity. *Explorations in Economic History*. 88. pp. 1–62.

Информация об авторе:

Попадьева Т.И. – канд. полит. наук, научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.I. Popadeva, Cand. Sci. (Political Science), research fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024;
одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 28.10.2024;
approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.